

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

Институт международных исследований

СЕРИЯ «ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ»

Выпуск 45

А. А. Князев

Очерки политической истории Центральной Азии

МОНОГРАФИЯ

В двух томах

Том первый

Конец 1980-х — начало 2000-х годов

Москва

Издательский дом МГИМО

2026

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)64
К54

*Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МГИМО МИД России*

*Издание продолжает серию «Труды по востоковедению, издаваемые
Лазаревским институтом восточных языков», выходящую в 1899–1916 годах*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН И. Д. Звягельская,
доктор исторических наук Д. А. Аманжолова,
доктор исторических наук А. Ю. Быков

*В оформлении обложки использована фотография А. А. Князева
«Медресе Шер-Дор в Самарканде»*

Князев, Александр Алексеевич.

К54

Очерки политической истории Центральной Азии : монография : в 2 томах / Князев А. А. ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. — (Серия «Труды по востоковедению» ; вып. 45).

ISBN 978-5-9228-3147-5

Том 1 : Конец 1980-х — начало 2000-х годов. — 299, [2] с.

ISBN 978-5-9228-3148-2

В монографии рассматриваются ключевые политические события и процессы в государствах Центральной Азии с периода, предшествовавшего их возникновению, до конца первой четверти XXI века, когда сценарии развития каждой страны отмечены новой геополитической ситуацией, знаменующей и начало качественно нового периода для стран региона. Автор рассматривает общие этапы государственного строительства в каждой стране, процессы трансформации национальных элит и некоторые сюжеты транзита власти, этнополитические и религиозные вопросы, а также условия и специфику концептуального и практического формирования основ внешней политики. Особое внимание уделяется конфликтным эпизодам этого периода, в том числе межэтническим, с точки зрения их влияния на последующее развитие, истории отношений каждой страны с Россией, а также их отношениям с некоторыми другими важными внешними игроками.

Для исследователей-международников, историков, востоковедов, политологов и всех, кто интересуется современной политической историей стран Центральной Азии.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)64

ISBN 978-5-9228-3148-2 (т. 1)

ISBN 978-5-9228-3147-5

DOI 10.63861/3147-5

© Князев А.А., 2026

© МГИМО МИД России, 2026

Оглавление

Глава 1 Казахстан: «Желтоксан» и полиэтничность, трансформация элиты и догматизация многовекторности (1980–2000-е гг.)	19
Глава 2 Киргизия: от «ошских событий» 1990 г. до государственного переворота 2005 г.	76
Глава 3 Таджикистан: гражданская война, ее причины, преодоление и послевоенные фрустрации (1980–2000-е гг.)	128
Глава 4 Туркменистан эпохи Туркменбаши: 1980-е — 2006 г.	187
Глава 5 Узбекистан: от «Бирлика» до «андижанских» событий (конец 1980-х — 2005 г.)	237

Введение

На протяжении довольно длительного времени Средняя Азия и Казахстан были неотъемлемой частью территории нашей страны: сначала Российской империи, а затем СССР. А после 1991 г. в иерархии внешнеполитических приоритетов России регион занимал место некой полупериферии, в отношении которой российская политика нередко имела инерционный и иногда ситуативный характер. Концепция отношений с бывшими советскими республиками была утверждена Указом Президента России Б. Н. Ельцина «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств», подписанным только 14 сентября 1995 г.¹ Но лишь в 2000-х гг. это отношение начинает в реальности принципиально меняться, российская политика становится более проактивной, что обуславливается и постепенно растущей международной значимостью региона, связанной с нахождением его в центральной части Евразии, а также с ростом активности в этом регионе США, европейских и арабских стран, КНР. Таким образом, именно в первой половине 2000-х гг. в России начало утверждаться понимание геополитической и геоэкономической важности этого протяженно прилегающего к российской территории пространства, что закрепило и представление об этом регионе как о зоне жизненных интересов Российской Федерации.

История государств, возникших при развале СССР в географическом регионе Средней Азии и Казахстана, к настоящему времени в силу политических предпочтений именуемому Центральной Азией, изначально была непростой по большому

---

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств» (с изменениями на 31 августа 2005 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9013448> (дата обращения: 06.04.2025).

ряду причин. Рассматриваемый период — это время создания основ совершенно новых государственных, поиска и реализации различных экономических и политических стратегий существования и развития, формирования новых идентичностей. В этот период закладывались и основы современных процессов в странах региона, качественное понимание которых невозможно без знания предшествующей истории. Исследование сложных процессов, происходивших как в каждой из пяти стран, так и в общем пространстве Центральной Азии, на внешнем контуре региона, является, таким образом, не только задачей традиционного академического знания, но имеет и определенное прикладное значение.

Так, в рамках происходящей трансформации мировых экономических процессов возрастает значение региона для российской внешнеэкономической деятельности в ее различных сегментах. Массовая трудовая и иная миграция из стран региона в Россию оказывает существенное влияние на экономическую, общественно-политическую, этноконфессиональную и демографическую, даже культурно-цивилизационную, ситуацию в нашей стране. Мигрантская среда «формулирует» чрезвычайно важные вопросы и для институций национальной безопасности России. Задачи в сфере безопасности диктуются, в том числе, и российскими интеграционными процессами, происходящим переформатированием позиционирования России в рамках формирующейся многополярной мировой системы международных отношений. Несомненно, что потребность в понимании очень широкого спектра вопросов современного сосуществования России со странами Центральной Азии обуславливает необходимость знания их истории последних десятилетий.

Общим началом нового этапа истории для бывших союзных республик становятся распад СССР и обретение ими международно-правовой независимости. Важно отметить, что появление независимых государств в Центральной Азии ни в одном из них не было результатом какого-то подъема национально-освободительного движения: «к нему привело разрушение

того государства, которое многих устраивало» [Звягельская, 2018, с. 133]. Достаточно вспомнить рефлекторную реакцию на «беловежские соглашения» экстренно собравшихся 13 декабря 1991 г. в Ашхабаде руководителей пяти республик: «... стремление лидеров Республики Беларусь, РСФСР и Украины создать на месте ранее бесправных республик объединенные в содружество независимые правовые государства воспринимается нами с пониманием... Однако соглашение об этом явилось для нас неожиданностью»². Элиты пяти республик региона были просто поставлены перед состоявшимся фактом, и, конечно, это во многом оказало влияние на парадигмы развития каждой из этих новых стран в последующем.

Топоним «Центральная Азия» был введен в политический оборот в 1993 г. на встрече глав пяти новых государств, где и прозвучало предложение президента Казахстана Н. А. Назарбаева именно так именовать регион. Постепенно сложилось, что в мировом научном и политическом обороте присутствуют как географическая, или «классическая», Центральная Азия (от границ России с Китаем и Монголией на севере, на востоке до Большого Хингана, Ордосской излучины реки Хуанхэ и Сино-Тибетских гор, а на юге до севера Индии), так и политическая, или «новая», постсоветская Центральная Азия в составе Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

В 2000-х гг. директором Института Центральной Азии и Кавказа американского Университета Дж. Хопкинса Фредериком Старром был инициирован проект «Большой Центральной Азии» [The Key to Success, 2010]. Старра зачастую относят к лицам, способным влиять на принятие решений в высших структурах власти США. Склонность американского руководства к геополитическому проектированию, включая «регионостроительство», довольно известна, и проект лег в основу

---

² Заявление глав государств Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан // Российская газета. — № 276 (322), 1991, 17 декабря.

региональной политики администрации Джорджа Буша-младшего. Суть этого известного проекта вкратце — в соединении в единый регион Центральной Азии со странами Южной Азии и соседними регионами России, Китая и Ирана с центральной ролью в этом пространстве Афганистана. Уже в 2020-х гг. американские внешнеполитические структуры приняли на вооружение еще одно понимание Центральной Азии с включением в регион Азербайджана и Монголии. Моделируется также включение в понятие «Центральная Азия» еще двух постсоветских стран Южного Кавказа — Армении и Грузии. Этому проектированию госдепартамента США вполне отвечает принятие Азербайджана в формат консультативных встреч президентов стран Центральной Азии, случившееся в ноябре 2025 г. Однако, учитывая большой ряд имеющихся на Кавказе собственных специфик, а также отсутствие существенной взаимосвязи постсоветских республик с Монголией, представляется, что логичнее все-таки понимать под уже де-факто устоявшимся топонимом «Центральная Азия» территорию, ранее обозначавшуюся как «Средняя Азия и Казахстан».

Рассмотрение процессов в Центральной Азии как в едином и цельном регионе не дает всей реальной картины происходившего, несмотря на обширную публичную риторику о неких региональных единстве и общности. При этом для всех пяти стран Центральной Азии в первой половине 1990-х гг. одинаковыми вопросами были создание самих институтов государственности и переход к рыночной экономике, а также непростые задачи сохранения внутренней стабильности. Эти вопросы с течением времени решались в каждой стране с помощью все более и более разных подходов, разными методами и средствами, приводя ко все более разнящимся результатам. И, обращаясь к вопросу о региональной целостности, можно согласиться с мнением Е. А. Денисова: «Парадокс... заключается в том, что сохраняющееся единство региона достигается не за счет работы центристских сил, а благодаря равновесию центробежных.

Центральная Азия в настоящее время существует как отдельный международно-политический регион потому, что разнонаправленные внешние силы не дают друг другу окончательно растворить этот регион в других прилегающих регионах мира» [Денисов, 2013, с. 85].

Внутриполитические процессы в пяти странах еще в позднее советское время не были синхронны друг другу, а затем стали реализовываться уже совсем различные сценарии становления новых государственных, подразумевающие различные экономические модели, по нарастающей отличающиеся социальные среды, специфические в каждом случае политические режимы, растущую разнонаправленность внешних связей, включая и отношения с Россией. Эта вариативность даже не позволяет создать какую-либо общую для всех пяти стран периодизацию рассматриваемого времени, которая бы подтверждала основанную на событийной аргументации хотя бы минимальную синхронность происходившего: при многих существующих, а иногда кажущихся сходствах преобладают все-таки принципиально важные отличия.

В качестве некоей общей для всех условной промежуточной временной точки, означавшей появление принципиально важных качественных изменений во внешней и внутриполитической жизни каждой страны, можно обозначить рубеж первым десятилетием 2000-х гг. и выделить время от распада СССР до начала-середины 2000-х гг. в отдельный период со свойственными ему особыми характеристиками в каждой из стран.

Если говорить о внешнеполитических воздействиях, то общим для всех в начале 2000-х гг. стало утверждение присутствия в странах региона США и НАТО, это была также динамично растущая региональная активность КНР, Турции и арабских стран, и это были наметившиеся изменения принципиального характера в региональной политике России.

Утверждение военного присутствия США и НАТО на продолжительное время создало новые рамки многовекторной внешней политики региональных государств, а во внутренней политике

стимулировало элиты стран Центральной Азии к созданию симулякров демократизации в соответствии с западными требованиями. Едва ли не главным для всех в этом было стремление стать некими эксклюзивными реципиентами инвестиционных потоков. Наиболее ярким примером такого рода моделирования западных схем государственного устройства можно считать эксперимент с созданием парламентской формы управления в 2010 г. в Киргизии. Те или иные имитационные действия подобного рода происходили во всех республиках и в 1990-х гг. Элементы либерализации, как справедливо полагает И. Д. Звягельская, были продуктом верхушечных реформ, что создало саму возможность появления таких элементов и предопределило их относительно утилитарный, приспособленный к интересам властей характер [Звягельская, 2018, с. 97]. С одной стороны, это не устраивало западных партнеров, стремящихся к установлению гарантированно манипулируемых режимов. С другой стороны, на фоне неудовлетворительной с точки зрения местных элит инвестиционной активности западных стран их особую настороженность все больше вызывали такие прецеденты вмешательства Запада во внутренние дела стран, как государственный переворот в Киргизии и «андижанские события» в Узбекистане в 2005 г., начинает формироваться и определенное раздражение среди местных элит.

С этого времени отношение к западному присутствию, да и вообще отношения с западными странами начинают менять свой характер, эти отношения становятся более осторожными и прагматичными, обнаруживаются разнообразные противоречия, прежнее, построенное на иллюзиях, «романтическое» восприятие Запада начинает последовательно сокращаться, а авторитарные тенденции в центральноазиатских странах становятся основополагающими.

В любом случае, с середины 2000-х гг. можно уверенно говорить о том, что Центральная Азия становится объектом возросшего интереса глобальных внешних акторов, что существенно меняет возможности последующего развития пяти стран региона, включая во многом и внутривосточные процессы, и трансформи-

рует существующие, создавая и новые риски и открывая, таким образом, качественно новый этап в истории пяти стран Центральной Азии. Исходя из такой, конечно, частично условной периодизации построена и структура данной монографии.

В составляющей первый том группе из пяти очерков рассматривается история пяти стран от времени перестройки до начала 2000-х гг. В каждом из них выдерживается хронологическая последовательность изложения событий, а более или менее четкое обозначение завершения этого периода для каждой страны различно, поскольку отсутствуют основания для того, чтобы привязывать их к какому-либо общему для всех событию или итогу. В Казахстане это было окончательное утверждение кланово-бюрократического авторитаризма с элементами имитационной демократии, фиксируемое, в частности, конституционными новеллами 2007 г. В Киргизии таким рубежным событием стала «цветная революция» 24 марта 2005 г., закладывавшая традиции силового антиконституционного транзита власти. Завершение периода неопределенности в выборе путей развития страны после гражданской войны и последующий самостоятельный поиск таких путей в рамках уже сложившейся к этому времени суперпрезидентской модели государственного устройства в Таджикистане, подтвержденной президентскими выборами 2006 г., символично совпали с выводом группы пограничных войск России из Таджикистана к 2005 г. Первый транзит власти, связанный со смертью в 2006 г. первого президента С. А. Ниязова, происходит в своем специфическом формате и открывает новый этап в новейшей истории Туркменистана. Андижанские события 2005 г. стали определенным рубежом для Узбекистана, как в его динамичных поисках внешних ориентиров, так и в окончательном утверждении его особой постсоветской политической системы.

Пять очерков второго тома так же посвящены сюжетам из истории каждой страны, завершаясь тем или иным значимым событием или явлением 2020-х гг. В Казахстане это были события января 2022 г., трагично завершающие «эпоху

Назарбаева», в Киргизии — третий государственный переворот 5–6 октября 2020 г. и попытка установления межрегионального элитного баланса. В Таджикистане все процессы, начиная с 2015 г., в значительной степени становятся связаны с проблемой транзита власти, подготовка к которому затягивается и в 2020-х гг. В Туркменистане в 2022 г. происходит уже второй транзит власти и утверждается специфическая система семейного правления. В Узбекистане новая эпоха начинается в 2016 г. после смерти первого президента И. А. Каримова, а рассмотрение событий до начала 2020-х гг. позволяет определить основные парадигмы последующего развития страны.

Шестой, завершающий книгу, очерк уходит от необходимости следовать хронологии. В нем рассматриваются некоторые из процессов и проблем, важных уже не в страновом, а в общерегиональном измерении: выборочно рассмотрены отдельные аспекты истории из сферы безопасности, влияния на страны региона важных акторов внешнего контура, по теме религиозной радикализации, затронуты проблемы внутренней взаимосвязанности, политической и идентитарной целостности Центральной Азии.

История всегда и везде является неотъемлемой частью идеологии, и постсоветское историческое знание в странах Центральной Азии в высокой степени сервильно: оно отчетливо обслуживает интересы новых властных элит и по-своему понимаемые национальные цели. Складываясь в условиях становления новых государственных и конструирования новых обществ, историческая наука и историческое образование используются как ресурс для формирования и поддержания национальной идентичности и в том числе для этнической консолидации.

Подобная сервильная функция истории востребует того, чтобы многие из фактов и событий рассматриваемого периода игнорировались в национальных историографиях либо не получали необходимого внимания и оценки, имея при этом большое значение для объективного и полноценного понимания картины недавней истории. Одновременно, для такого понимания

необходимо расширить круг документальных, да и эмпирических источников, доступ к которым в ряде случаев затруднен. Эпоха всеобщей цифровизации мало способствует решению этой проблемы: достаточно сказать, что доступность многих сетевых источников в странах региона оставляет желать много лучшего. Это относится к информационно-правовым базам, а также к правительственным и ведомственным, да и к очень многим негосударственным ресурсам. В порядке гипотезы можно предположить, что фильтрация размещения в открытом доступе ряда документов весьма нередко детерминируется соображениями текущей политической конъюнктуры.

Конечно, во всех странах Центральной Азии в общих чертах уже сложились определенные национальные исторические концепции, общей чертой которых является завышенная комплиментарность к своей истории, переходящая в ряде случаев и в откровенную политическую ангажированность. Это относится как к официальной историографии, так и, в нередких случаях, к самостоятельному творчеству многих местных авторов. Впрочем, вряд ли вообще можно в полной мере говорить об историографии в классическом ее понимании применительно ко времени, слишком недавнему по историческим меркам. За исключением официальных изложений, говорить о полноценных исследованиях рассматриваемого периода как в национальных, так и в российской историографии, пока скорее не приходится. Есть много мемуарной литературы, среди авторов которой и политики, являвшиеся прямыми участниками многих событий, — эта литература является важным источником, но относить ее к научно-исследовательской было бы неверно. Есть немалый ряд очень хороших аналитических работ по отдельным аспектам или отдельным эпизодам истории той или иной из пяти стран, но они, как правило, охватывают достаточно узкие сегменты, да и не всегда могут быть охарактеризованы как исторические. В представленной монографии использованы уже имеющиеся работы — как правило, это только статьи такого рода — как авторов

из самих стран Центральной Азии, так и российских историков и экспертов, осветивших те или иные эпизоды и, в ряде случаев, сделавших выводы, многие из которых заслуживают внимания.

Важным недостатком в отношении фиксации недавней истории является и то обстоятельство, что уже традиционно она обрастает мифами в не меньшей степени, нежели история более отдаленных времен. Среди недостатков многих существующих исследовательских работ нужно отметить и редко когда качественно верифицируемое использование материалов из средств массовой информации. При этом происхождение того или иного источника (и, соответственно, его объективность) зачастую не анализируется, особенно в тех случаях, когда информация удобно имплементируется в то или иное авторское концептуальное видение рассматриваемой проблемы. В современном огромном и очень разнообразном потоке информации всегда находится то, что подтверждает уже сложившуюся или складывающуюся авторскую версию. Подобное использование массовых источников редко учитывает тот факт, что современная информация в высокой степени инструментальна и направлена на достижение вполне конкретных политических результатов через воздействие как на общественное мнение, так и на принятие государственных решений. В значительной мере эта ситуация накладывается и на исследовательские работы, формируя в результате субъективные и часто весьма далекие от реальности оценочные нарративы. А в связи с ростом новых информационных технологий (того же искусственного интеллекта) возникает большое количество новых манипулятивных возможностей, способных кардинально исказить картину прошлого, что, конечно же, актуализирует необходимость разработки методологии верификации сетевых источников для исторической и смежных наук.

Представляемая монография носит во многом обобщающий характер, не претендуя при этом на абсолютную полноту изложения всей постсоветской истории Центральной Азии. Ранее выходившие работы автора рассматривали многие из вопросов

истории Центральной Азии накануне и после распада СССР³. В новой книге этот опыт, как и многолетний предшествующий опыт полевой работы непосредственно в странах региона, обобщен, сделан ряд новых выводов, обновлены некоторые из прежних.

Избранный очерковый жанр не является широкомасштабным рассмотрением всего происходившего в конце 1980-х — начале 2020-х гг., он исключает жесткую структуру книги, где было бы необходимо писать «обо всем». Такой жанр позволяет сосредоточиться на исследовании тех эпизодов или сюжетов, которые, по мнению автора, в недостаточной степени отражены в уже имеющихся работах, либо интерпретированы в угоду той или иной конъюнктуре. В большинстве случаев это относится к конфликтным процессам и событиям, либо к событиям и процессам, закладывавшим на будущее конфликтогенность и нестабильность, препятствовавшим поступательному развитию каждой из пяти стран. Во многих случаях это и констатация тех эпизодов недавней истории, которые в самих странах региона «неприятно вспоминать», и они зачастую просто замалчиваются в местных историографиях, остаются за пределами исследований в силу различных обстоятельств. Часто это болезненно воспринимаемые события и процессы в сфере межэтнических отношений, непростые во всех странах региона внутриэлитные, межклановые отношения, события, связанные с транзитом власти, ряд других.

В то же время за пределами настоящего исследования оставлена проблематика, имеющая, несомненно, важное значение и содержащая в себе представления о конфликтном потенциале близкого будущего: это растущий дефицит водных ресурсов, это новые сложности, возникающие в сфере трудовой миграции, это перманентная кризисность энергетики, это большой комплекс каспийских проблем, актуальность растущих внешних воздействий и ряд других. Несмотря на то, что уже существует

---

³ См. список использованной литературы.

немало важных исследований, требуют отдельного внимания и некоторые аспекты религиозной радикализации, недостаточно или вовсе не исследованной остается история отношений между странами региона, включая и несколько длительных межстрановых конфликтов (например, это отношения между Таджикистаном и Узбекистаном на протяжении периода 1997–2016 гг.), свою историю имеют транспортно-коммуникационная сфера и другие. Безусловно, каждая из этих проблем заслуживает специального исследования.

Отдельное внимание в настоящем исследовании уделено тем эпизодам, которые так или иначе были, а часто и остаются, важными с точки зрения интересов России. И это те пробелы в исследовании рассматриваемой истории, заполнение которых также является одной из важных задач представленной монографии.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

*Серия «Труды по востоковедению»
Выпуск 45*

Князев Александр Алексеевич

Очерки политической истории Центральной Азии

МОНОГРАФИЯ

В двух томах
Том первый
Конец 1980-х — начало 2000-х годов

Шеф-редактор *И. Ю. Окунев*
Заведующая редакцией *Л. С. Жирнова*
Выпускающий редактор *Н. Г. Карпинская*
Компьютерная верстка *Е. Е. Гришаева, А. В. Лучанская*
Художественное оформление обложки *А. Г. Киров*
Допечатная подготовка *А. О. Бирюков*

Подписано в печать 27.04.2026. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 14,0. Заказ № 3148

Издательский дом МГИМО
119454, Москва, пр. Вернадского, 76
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО
119454, Москва, пр. Вернадского, 76
mgimo.ru/id; print@inno.mgimo.ru